

версию газеты. Но то, что электронный формат будет идти в ногу со временем и набирать большие обороты – и в этом сомнения тоже нет.

Bond S. New York Times sees boom in online subscribers // Financial Times. London. 2018. February 8. URL: <https://www.ft.com/content/bc312102-0cee-11e8-839d-41ca06376bf2> (дата обращения: 16.08.2022).

Ember S. New York Times Co. Subscription Revenue Surpassed \$1 Billion in 2017 // The New York Times. 2018. February 8. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/08/business/new-york-times-company-earnings.html> (дата обращения: 30.08.2022).

Introduction // The New York Times. 2014. March 24. P. 3–9.

Kafka P. The New York Times doesn't just want more subscribers, it wants different subscribers // Vox. 2022. April 6. URL: <https://www.vox.com/recode/23011969/new-york-times-subscriber-athletic-age-peter-kafka-media-column> (дата обращения: 01.08.2022).

Kramer S. NYTimes.com Paywall Picture About to Get Much Clearer // PaidContent.org. 2011. March 17. URL: <https://web.archive.org/web/20110318175131/http://paidcontent.org/article/419-nytimes-com-paywall-picture-about-to-get-much-clearer> (дата обращения 12.07.2022).

Sass E. 'NYT' Pay Wall Could Bring \$100M Annually // Media Daily News. 2012. March 12. URL: <https://www.mediapost.com/publications/article/169998/nyt-pay-wall-could-bring-100m-annually.html> (дата обращения: 29.08.2022).

Sullivan M. A Milestone Behind, a Mountain Ahead // The New York Times. 2013. January 19. 2013. URL: <https://www.nytimes.com/2013/01/20/public-editor/a-milestone-behind-a-mountain-ahead.html> (дата обращения: 27.08.2022).

Sulzberger A. A Letter to Our Readers About Digital Subscriptions // The New York Times. 2011. March 17. URL: <https://www.nytimes.com/2011/03/18/opinion/18times.html> (дата обращения: 08.08.2022).

The New York Times Company Annual Reports 2005–2017. URL: https://web.archive.org/web/20170701161238/https://s1.q4cdn.com/156149269/files/doc_financials/annual/2008NYTannual.pdf (дата обращения: 30.08.2022); URL: [https://web.archive.org/web/20160107074815/https://s1.q4cdn.com/156149269/files/doc_financials/annual/2014/2014-Annual-Report-\(FINAL\).pdf](https://web.archive.org/web/20160107074815/https://s1.q4cdn.com/156149269/files/doc_financials/annual/2014/2014-Annual-Report-(FINAL).pdf) (дата обращения: 30.08.2022).

The New York Times Company Reports, 2005. URL: <https://nytco.com> (дата обращения: 23.01.2012).

Tracy M. The New York Times Tops 6 Million Subscribers as Ad Revenue Plummets // The New York Times. 2020. May 6. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/06/business/media/new-york-times-earnings-subscriptions-coronavirus.html> (дата обращения: 16.07.2022).

УДК 94(470.5).084.6:37+930.253

Э. Е. Протасова
Уральский государственный
педагогический университет, г. Екатеринбург

УРАЛЬСКИЕ АРХИВЫ О ПРОБЛЕМАХ ВСЕОБУЧА В 1930-е гг.: НЕУСПЕВАЮЩИЕ УЧЕНИКИ И УЧИТЕЛЯ

В 1930 г. в СССР было введено всеобщее обязательное начальное обучение. Неопубликованные источники уральских архивов дают

возможность оценить результаты этой программы в уральском регионе. В статье делается упор на такие показатели всеобща, как неуспевающие ученики, «второгодничество». По официальным данным, в 1939–1940 учебном году средняя успеваемость в школах Свердловской области составила 75 %. Однако в 1930-е гг. большая часть учителей также находилась в положении «неуспевающих», так как обладала низкой квалификаций. Для определения уровня профессиональной подготовки учителей с 1936 г. в СССР были введены аттестационные комиссии. Бороться с «второгодничеством» и неуспевающими в школах пытались разными методами, в том числе применяемыми на производстве. Исторический опыт доказывает, что успеваемость в школах не может быть «стопроцентной».

Ключевые слова: уральские архивы, всеобщее обязательное начальное обучение, неуспевающие ученики, «второгодничество», аттестационные комиссии.

25 июля 1930 г. было принято Постановление ЦК ВКП (б) «О введении всеобщего обязательного обучения» в СССР, решением ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. оно было законодательно закреплено. Результаты осуществления государственной программы оценивались отечественными историками разных поколений неоднозначно. В советской историографии основными итогами реализации программы выступала, как правило, доля охвата детей школьного возраста всеобщем. Уральский исследователь П. В. Гришанов приводит данные сводки Народного комиссариата просвещения РСФСР по 48 территориям, в том числе по областям Урала, из которой следует, что на 15 января 1940 г. 97,8 % детей в возрасте 8–11 лет сидели за партой [Гришанов, 1982, с. 86]. Такие результаты оценивались как «культурная революция». В 1990 – начале 2000-х гг. исследователи подвергли критике эти данные, посчитав цифры завышенными, а особое внимание было уделено методам осуществления преобразований в культурно-образовательной сфере, несмотря на их административно-командный характер.

Анализ качественных показателей в процессе реализации всеобща позволил выделить «болевые точки» процесса: успеваемость и неуспевающие ученики, «второгодничество», и причины этих «несовеских» явлений, которые в советской исторической науке чаще всего замалчивались исследователями, но именно они позволяют взвешенно оценивать данные официальной статистики. Сосредоточим внимание на этих вопросах.

Разнообразные источники – отчеты районных и областных отделов образования, докладные записки аттестационных комиссий в районные и областные отделения ВКП(б), стенограммы совещаний заведующих РайОНО, отчеты инспекторских проверок школ, сохра-

нившиеся в уральских архивах – дают возможность сформировать более полное представление о результативности введения всеобща в регионе и стране в 1930-е гг.

Документы свидетельствуют, что в первые годы введения всеобща успеваемость школьников не рассматривалась руководством страны как серьезная задача. Главным было убедить или заставить родителей записать детей в школу. С 1933–1934 уч. г. можно говорить об усилении внимания партийно-государственного руководства страны к самому учебному процессу. Сформировалось понимание, что результатом программы должен быть не только охват детей школой, но и качество полученных знаний, позволяющее им участвовать в строительстве социализма.

С 1935 г. в школах СССР была восстановлена дореволюционная система оценивания знаний учеников: «очень плохо», «плохо», «посредственно», «хорошо», «отлично». С 1935 г. в школах были введены переводные и выпускные экзамены.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» от 3 сентября 1935 г. были установлены требования к экзаменам. Считалось недопустимым «натаскивание» учеников по индивидуальным вопросам. [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 485, л. 20]. Основное внимание при проведении экзаменов было уделено проверке знаний по разным разделам программы. Представители горono и районо посещали проверочные мероприятия в школах, контролируя их проведение.

Итоги инспекции школ в Свердловской области весной 1935 г. констатировали, что только 5,6% учащихся обычных школ и 11,5% образцовых школ писали без ошибок [Там же, оп. 13, д. 433, л. 56]. По выборочным данным школ Свердловской области в 1936 г. успеваемость по русскому языку в начальной школе составила 80,5 %, это означало, что 20 % учеников были под угрозой остаться на повторное обучение. Успеваемость по арифметике составила 89,4 % [Там же, оп. 4, д. 485, л. 20]. В стенограмме совещания заведующих районо и работников политпросвет-учреждений по работе школ Свердловской области в 1938 г. были приведены неутешительные результаты успеваемости учащихся по ряду районов: Асбестовскому, Нижне-Сергинскому, Усинскому, Верхотурскому, Каргайскому, Частинскому, Еланскому, где она составила 52–60 % [Там же, оп. 33, д. 347, л. 6].

Характерно, что в 1937–1938 гг. наличие большого количества неуспевающих детей в школах партийно-государственные руководители объясняли последствиями «вражеской работы» педологов, которые полагали, что неуспевающие – это явление вполне закономерное и определено биологическими и социальными факторами.

В отчетах отделов образования областному комитету ВКП(б), сохранившихся в архивах, в 1939–1940 уч. г. средняя успеваемость по школам Свердловской области составила всего 75 %, в 1940–1941 уч. г. – 79 %. Успеваемость в начальных школах – 77–78 %, в неполных средних школах – 64–68 %, в средних школах – 80–90 % [Там же].

В документах представлены факты, говорящие о том, что многие учителя не имели ясного представления об организации учета проверки знаний своих учеников, что конечно влияло на показатели успеваемости. Получив в начале четверти «неудовлетворительную» («очень плохо») оценку по предмету, школьник часто не имел возможности ее исправить в течение учебной четверти. Показателен пример Баженовской неполной средней школы Еланского района, когда учительница математики Шарова за полтора месяца опросила 30 учащихся 6 класса только по одному разу, и 23 из них получили оценку «плохо». Ученики, получившие отрицательные оценки еще в середине сентября, не были опрошены до ноября месяца 1940 г. [Там же, л. 16]. Поэтому говорить об объективности оценивания качества знаний учащихся в подобной ситуации нельзя.

Но и факты, когда успеваемость в школах по отчетным документам была завышена, также были нередки. Так, по документам, предоставленным инспекторам, уровень успеваемости начальных школ Красноуральского района Свердловской области в 1938 г. составлял 90 %, а контрольное чтение учеников 3–4 классов показало, что 30 % детей даже читали очень плохо, т. е. не освоили программу 1 класса начальной школы [Там же, л. 141]. Можно предположить, что результаты успеваемости по разным причинам завышались. Это были страхи взысканий, увольнения, а также непонимание критериев оценивания.

Слабое знание программы, систематические пропуски уроков становились причинами «второгодничества». В отчете Челябинского облоно за 1935–1936 уч. г. число детей, не перешедших на следующую ступень обучения, выросло на 16,5 тыс., или 3 % по сравнению с 1934–1935 уч. годом. [ОГАЧО, ф. 288-п, оп. 1, д. 956, л. 22]. После весенних испытаний в школах области на второй год было оставлено 42 тыс. учащихся, а после осенних – более 43 тыс., или 13 % от общего числа учащихся [Там же, оп. 2, д. 207, л. 27]. Источники свидетельствуют о случаях, когда дети обучались в начальной школе шесть – семь лет.

Вопрос о «второгодничестве» обсуждался на совещаниях и конференциях отделов образования различного уровня. Он тревожил директоров школ, учителей, работников районо и облоно. Но, как и в случае с неуспевающими учениками, это явление характеризовалось как «педологическое извращение», а для его ликвидации рекомендовалось применять методы, использовавшиеся в то время на производстве: до-

ски позора, ударничество, различные формы социалистического соревнования. И совсем авантюрным выглядит принятое 3 ноября 1936 г. на бюро обкома ВКП(б) Челябинской области решение «О ликвидации «второгодничества» в школах» [Там же, оп. 2, д. 207, л. 30].

Ситуация не изменилась и в последующие годы. В 1939–1940 уч. г. по результатам аттестации были оставлены на повторное обучение 11,4 % учащихся начальной школы, 7,1 % учащихся неполной средней школы, причем после осенних испытаний число «второгодников» только увеличилось [ОГАЧО, ф. 288-п, оп. 1, д. 956, л. 22]. Несмотря на требования, полностью устранить из школы такое явление было сложно, и в 1940 г. Наркомпрос изменил тактику, перейдя к методам планового хозяйства, предлагая ежегодно планировать процент «второгодничества»: в сельской местности 10 %, а в городе – 5 % от числа обучающихся [ГАСО, ф. 233, оп. 3, д. 1192, л. 6]. Связано это было прежде всего с выделением дополнительного финансирования. Однако итогом таких действий было снижение требований к показателям обучения.

Документы региональных архивов свидетельствуют, что в первые годы осуществления программы всеобща учителей катастрофически не хватало. В условиях дефицита учительских кадров на уровень их образования при поступлении на службу часто не обращали внимания, главным было заполнить ставки, отчитаться перед вышестоящими органами. Безграмотность учителей была исключительная, они допускали по 20–25 ошибок в письменной работе, как правило, плохо владели литературной речью, употребляли просторечия и слова с фонетическими ошибками, проявлялась и специфика уральского говора: «спячивают», «шаает», «хинкать», «годе», «пошто», «сарь», «ложит» и т.д. Особенно такие факты были характерны для сельских учителей [ЦДОСО, ф. 4, оп. 14, д. 403, л. 65].

В середине 1930-х гг. конъюнктура изменилась. В докладных записках, отчетах отделов образования, направленных для рассмотрения в обком ВКП(б), высокий процент неуспевающих учеников и «второгодничества» стали объяснять именно низкой квалификацией учителей. И учителя также попали в категорию «неуспевающих». Как правило, учитель с низкой степенью подготовки оценки завышал, а с высокой – относился к оцениванию результатов более взвешенно [Там же, оп. 36, д. 24, л. 5]. Показателен случай в Верещагинском районе Свердловской области в 1938 г., упомянутый в докладе на зимнем совещании учителей, где были соотнесены итоги успеваемости в зависимости от уровня профессиональной подготовки учителей в двух школах. Успеваемость в классах у учителей с низким образовательным уровнем составляла 95 %, а с высоким – 85 %. [ЦДОСО, ф. 4,

оп. 36, д. 24, л. 5]. Факты, когда выставляемые оценки не соответствовали действительным знаниям учеников, в документах уральских архивов встречаются часто.

Для определения уровня профессиональной компетентности учителей с 1936 г. в СССР были введены аттестационные комиссии. В Свердловской области уже с 1 июня 1936 г. работало пять комиссий. Аттестационные комиссии были новым явлением в образовательном процессе, и в первые годы их работа проходила напряженно. Часто ко времени приезда комиссии у большинства учителей отсутствовали документы об образовании, не были составлены характеристики с места их работы. Определение квалификации проходило в форме продолжительных бесед (от 20 до 40 минут). По отчетам деятельности комиссий выяснилось, что из 10 499 учителей начальных школ Свердловской области около 7 тыс. не имели даже среднего образования. По итогам работы комиссий на 15 июня 1936 г. в Свердловской области аттестацию прошли только 10 % учителей, подлежащих аттестации в первую очередь (к 1 июня) [Там же, оп. 14, д. 22, л. 20]. К званию учителя начальной школы было представлено всего 160 чел., а к званию учителя средней школы – 110 чел. К педагогической работе с требованием обязательного окончания соответствующего педагогического учебного заведения было допущено 424 чел. Освобождено от работы 82 чел., для 16 педагогов были назначены дополнительные испытания, а по 22 учителям вопрос был оставлен открытым до посещения их уроков [ЦДООСО, ф. 4, оп. 14, д. 22, л. 20].

По Челябинской области ситуация была аналогичной: из 11 489 учителей 8 031 (70 %) было признано не обладающими соответствующей подготовкой и уровнем знаний [ОГАЧО, ф. 288, оп. 1, д. 658, л. 18]. Однако, такие печальные результаты аттестационных комиссий мотивировали учителей к повышению своего образования. Так, уже в 1936 г. количество учителей начальных классов Челябинской области, повышавших свою квалификацию выросло с 2 160 до 4 977, что составило 85 % кадрового состава [Там же].

С другой стороны, компетентность состава комиссии, определявшей профессиональную пригодность учителя, не всегда вызывала доверие, если учесть, что в ее состав входили инспекторы, которые часто имели образование только в объеме начальной школы. Как следствие, от работы отстраняли учителей, получивших образование до революции 1917 г., честно отработавших по 15–20 лет в школах, и звание учителя им не присваивали [ЦДООСО, ф. 4, оп. 15, д. 486, л. 94]. Члены комиссий относились к таким профессионалам с большим недоверием. В первую очередь к учителю подходили с точки зрения его политической благонадежности. Проверяли, знает ли он «Ма-

нифест Коммунистической партии», какие произведения В. И. Ленина, И. В. Сталина, Н. К. Крупской являются для него настольными книгами [Там же, оп. 14, д. 403, л. 65]. Источники позволяют резюмировать, что в ходе аттестационных комиссий выявлялись «враждебные» советскому строю работники образования. В начале 1930-х гг., когда недостаток педагогических кадров ощущался наиболее остро, увольнять только по причине социального происхождения остерегались, чтобы не сорвать план всеобуча. Но во второй половине 1930-х гг. усилился контроль со стороны отделов образования и партийных органов не только над профессиональным, но и социальным составом учителей [Там же, оп. 2, д. 29, л. 35; оп. 15, д. 483, л. 46; оп. 33, д. 347, л. 41]. Учителя могли отстранить от работы не только из-за низкого уровня образования, высокого показателя неуспевающих и «второгодничества» учеников, но и социального прошлого.

Применяемые методы административного нажима на учителей не могли привести к серьезному росту успеваемости, но способствовали как неумышленной фальсификации – «по незнанию», так и желанию сознательно скрыть явные проблемы всеобуча по причине боязни взысканий, увольнения, обвинений в намерениях сорвать государственную программу. Качество успеваемости школьников зависело от организации урока учителем, использованных им методик, дидактического материала, четких критериев оценивания знаний. Однако в 1930-е гг. значительная часть учителей, как и их учеников, находилась в положении «неуспевающих», поскольку не обладала достаточной профессиональной квалификацией. Повышение учителями собственного образовательного уровня создавало условия для сокращения числа «неуспевающих» учителей, а в перспективе – неуспевающих учеников. Но надо иметь в виду, что, как показывает исторический опыт, успеваемость в школах не может быть «стопроцентной», а неуспевающие ученики – явление, сохранившееся и в современной школе.

Таким образом, более полная картина о программе всеобуча в 1930-е гг. может быть реконструирована благодаря обращению к источникам региональных архивов, которые дают понимание проблем, с которыми столкнулись местные органы просвещения в ходе ее реализации. Качественные показатели позволяют адекватно оценить результативность советской образовательной системы в этот период.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 233. Уральский областной отдел народного образования.

Гришанов П. В. Школьный всеобуч на Урале в условиях строительства социализма (1926–1937 гг.). Челябинск, 1982.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).
Ф. 288-п. Челябинский областной комитет КПСС.

Центр документации общественных организаций Свердловской области
(ЦДООСО). Ф. 4. Свердловский областной комитет КПСС.

УДК 930(47).084.6(093)

А. М. Скворцов
Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники РАН, г. Санкт-Петербург
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск

АВТОБИОГРАФИИ ИСТОРИКОВ – СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ 1930–1940-х гг. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК¹

На основе значительного массива автобиографий ученых-историков, содержащихся в архивных диссертационных делах Ленинградского университета с момента восстановления ученых степеней в 1934 г. и до середины 1940-х гг., в статье выявляются особенности такого типа документации и трансформация ее составных элементов. На содержание автобиографий влияла как общественно-политическая обстановка в стране, так и процесс формирования советского научного исторического сообщества, сочетающего в себе черты традиционных для науки практик, берущих начало с дореволюционных времен, и новой действительности. Описывая свой путь в науку, автор документа транслировал сложившийся в научном сообществе образ претендента на ученую степень, акцентируя внимание на тех биографических аспектах, которые свидетельствовали о прохождении им всех необходимых для неопита ступеней «*cursus honorum*».

Ключевые слова: автобиография, соискатель, диспут, историография, науковедение, история науки, источниковедение, личное дело, ученая степень, квалификация.

С 1980-х гг. в науке происходит пересмотр традиционного взгляда на автобиографию: присущая этому источнику субъективность не представляется уже имманентной частью реальности, а авторские сообщения о самом себе понимаются как конструкт в самом широком смысле [Зарецкий, 2014, с. 35]. Такой подход настолько отдалил создателя источника от исследователя, что возник вопрос о возможности полноценного изучения жизненного пути человека и его личности через написанную этим человеком биографию. На документ стали

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00557.